

ПРИНЦИПЫ ПОДХОДА ВЛАСТЕЙ ИМПЕРИИ МИН К ОТНОШЕНИЯМ С МОНГОЛАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII В.¹

Попов А.В.

*Попов Антон Владимирович – кандидат исторических наук, директор,
Центр экспертиз,*

*Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: *в продолжение всей своей истории империя Мин (1368-1644) не смогла избежать опасности постоянных военных вторжений из пределов Великой Степи и не была изолирована от политических и экономических контактов с населявшими ее кочевниками. В статье приведены примеры, подтверждающие то общее обстоятельство, что необходимость поддержания и развития системы оборонительных сооружений на монгольской границе объективно относилась к числу важнейших задач, стоявших перед минской имперской администрацией. Подобная действительность понуждала минские власти к тому, чтобы изыскивать пути к решению упомянутой задачи вне зависимости от колебаний внутривластной ситуации, придворных интриг, состояния государственных финансов и прочих обстоятельств. Впрочем, опоясавшие северные рубежи империи фортификационные сооружения, а равно и размещенные для их обороны крупные воинские контингенты, отнюдь не изолировали территорию Китая от кочевых соседей и не являлись гарантией защиты от постоянных вторжений в ее пределы северных и западных «инородцев».*

Ключевые слова: *империя Мин, монголы, пограничная политика, охрана и оборона северных границ Китая.*

На всем протяжении истории китайской империи Мин (1368-1644) ее отношения с монголами принадлежали к числу важнейших факторов, определявших характер внешних воздействий на развитие Китая как государства и общества. Монголы стали неперенными участниками политических событий, приведших минский правящий дом к высотам имперской власти. Восхождение его основателя Чжу Юаньчжана на императорский престол стало результатом свержения монгольской династии Юань, властвовавшей над Китаем с 1280 г. Впрочем, изгнанные в степь монголы отнюдь не сразу отказались от претензий на утраченные ими прерогативы верховных правителей Среднего государства. В течение как минимум двух десятилетий после того, как последний юаньский император Тогон Тэмур вынужден был покинуть свою китайскую столицу Дайду, всемонгольские ханы продолжали считать себя законными обладателями исключительных прав на управление Поднебесной. При этом иноземное происхождение династии Юань не помешало ей к исходу своего существования обрести способность к тому, чтобы в целом соответствовать конфуцианским понятиям о легитимности принадлежавшей ей императорской власти. Такие обстоятельства таили в себе очевидную угрозу идейным и политическим основам власти первых минских императоров. Американский историк Т. Барфилд, оценивая степень подобной угрозы, писал: «Поскольку Мин была не в состоянии уничтожить наследников Юань или принудить их к отречению, претензии монголов имели под собой определенное моральное обоснование, которое в соответствии с китайской традицией воспринималось достаточно серьезно» [1, с. 353]. В течение столетия после воцарения минской династии политический класс в Среднем государстве продолжал терзаться сомнениями насчет возможности реставрации юаньского правления и рассматривал нападения кочевников на Китай как попытки вернуть императорский престол монгольскому правящему дому. Эти сомнения до конца не рассеялись вплоть до второй половины XV в., хотя к тому времени прогрессирующая политическая раздробленность в степях превратила всемонгольских ханов в номинальных властителей и кочевая аристократия уже не могла претендовать на утраченное имперское наследие великих предков.

Впрочем, и в дальнейшем, вплоть до конца своего существования империя Мин не смогла избежать опасности постоянных военных вторжений из пределов Великой Степи и не была изолирована от политических и экономических контактов с населявшими ее кочевниками. В частности, от состояния отношений с ними прямо зависело положение дел в северных и западных регионах империи, примыкавших к весьма протяженной монгольской границе. Особенно важным в данном контексте представляется тот факт, что административный и политический центр Минской империи на протяжении большей части ее истории располагался на севере, в Пекине, в одном из таких регионов. Резиденция императорского двора и центральных правительственных ведомств переместилась сюда с юга из Нанкина в 1421 г. по указу третьего из минских императоров, находившегося на престоле с 1403 по 1424 г. под девизом Юнлэ (永乐)².

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта № 18-09-00539, поддержанного РФФИ.

² После 1421 г. прежняя столица Нанкин какое-то время сохраняла не только свой статус, но и многие правительственные учреждения (в частности, шесть центральных ведомств), дублировавшие пекинские. Однако реальное управление страной было сосредоточено на севере, и уже с середины XV в. нанкинская правительственная администрация практически не играла сколько-нибудь существенной роли в политической жизни. Пекин же в годы правления императора Юн Лэ обрел не только значение главного административного центра империи Мин, но и

Правление этого монарха, чья деятельность в немалой степени способствовала укреплению и расцвету подвластной ему империи, в числе прочего отмечено широкомасштабными наступательными операциями, которые успешно вела в монгольских кочевьях мощная и многочисленная минская армия. В 1410 г. она в двух сражениях на реках Орхон и Тола нанесла поражение восточным монголам, после чего их лидер Аруктай, впечатленный китайской военной мощью, отправил императору Юнлэ дань, состоявшую из лошадей. Последний, по словам Д.В. Покотилова, «благодарно принял» подношение, предпочтя иметь в лице монгольского правителя хотя бы притворного союзника и данника, а не врага [3, с. 37].

По-видимому, стремление к тому, чтобы вооруженной силой подавить сопротивление монголов, а равно и успехи, достигнутые на этом поприще, явились для Юнлэ весомыми основаниями для принятия решения о переносе столицы империи на север. Анализируя задачи, которые этот правитель должен был решать, создавая внешние условия для укрепления минской имперской государственности, Т. Барфилд отмечал: «Как лидер, живущий на севере, он относился к монголам со всей серьезностью и планировал воевать с ними. Как человек военный, Юн-ло (курсив наш. Так в тексте перевода работы Барфилда на русский язык. – А.П.) понимал, что не сможет организовать эффективные атаки на мобильные группы кочевников, оставаясь в южной столице. Для императора, подобного Юн-ло, придерживающегося агрессивной политики, Пекин представлял собой прекрасный плацдарм по осуществлению долговременной стратегии подавления кочевников» [1, с.357].

Следует упомянуть и о том, что перемещение центральных институтов власти в Пекин стало отнюдь не единственной мерой, принятой в период правления Юнлэ в целях превращения Северного Китая в стратегический форпост, противостоявший военной активности монголов. В первой четверти XV в. капитальной реконструкции была подвергнута система внутренних водных и сухопутных путей сообщения, чем были обеспечены условия для материального обеспечения крупных военных операций на северных китайских границах. Помимо того здесь были восстановлены прежние укрепления и построены новые крепостные сооружения, защищавшие новую столицу.

Выбор Пекина в качестве имперской столицы оказал существенное влияние на политику, которую минские власти проводили в отношениях с монголами. В справедливости такого утверждения, в частности, убеждает тот факт, что долговременные исторические последствия переноса императорской резиденции на север оказались далеки от целей, которые преследовали разработчики и сторонники подобных реформ. По словам Т. Барфилда, Мин принадлежала к числу китайских национальных династий, проблема которых заключалась в том, что императоры, подобные Юнлэ, были для них не характерны, и после смерти таких правителей гражданские чиновники, противившиеся активной политике и военным кампаниям на границе, прекращали следовать прежнему курсу [1, с. 357]. Действительно, преемники Юнлэ на императорском троне оказались неспособными к тому, чтобы продолжить развернутые им активные наступательные действия в глубине Великой Степи, и к середине XV в. инициатива в проведении военных кампаний против Китая очевидно перешла в руки кочевников. Свидетельством тому стало жестокое поражение, которое минская армия понесла в 1449 г. во время очередного похода в Монголию. Находившийся при армии император Чжэнтун (正統)³ оказался в плену у ойратского правителя Эсэна, вставшего во главе победоносного монгольского войска. Подобный фатальный разгром китайской армии, безусловно, не был случайным событием. Не в последнем счете он был предрешен тем, что империя Мин впервые за восемьдесят лет, прошедших после изгнания династии Юань из Китая, столкнулась с мощной коалицией кочевых племен, военно-политическим центром которой стали ойраты. Их лидер Эсен в 1440-е гг. постепенно увеличивал свою власть на территориях, сопредельных с Китаем, до тех пор, пока они полностью не оказались под его контролем. Вместе с тем, провалу военной стратегии, направленной на «обуздание» ойратов, способствовали многочисленные просчеты и ошибки, допущенные командованием минской армии при планировании и организации вторжения в монгольские пределы. Многократно превосходящая противника по численности и оснащению полумиллионная китайская армия потерпела сокрушительное поражение от немногочисленных, но сплоченных ойратских войск, потеряла половину личного состава и почти всех находившихся при ней полководцев и высших сановников [2, с. 476]. Пусть эта военная катастрофа и не оказала немедленного фатального влияния на судьбу минской династии, но она стала предвестником кризиса, в пучину которого со второй половины XV в. стала постепенно погружаться управляемая ею империя. Государственная власть все более очевидно слабела и теряла способность к тому, чтобы контролировать происходившие в стране события. Разбухшие официальные структуры и неповоротливые механизмы управления государством становились чем далее, тем менее эффективными. В центральном

внешние атрибуты ее столицы. Город был перепланирован, дворцовый комплекс, основные храмы и крепостные стены были построены заново [2, с.388].

³ Девиз правления Чжэнтун 1436 по 1449 г. принадлежал императору Чжу Цичжэню (朱祁鎮), известному под тронным именем Ин-цзун (英宗). Отправляясь в поход против ойратов, закончившийся разгромом минской армии, он доверил регентство своему сводному брату Чжу Циюю (朱祁鈺), носившему титул Чэнь-ван (郕王). После пленения законного императора последний, последовав увещаниям придворных сановников, занял монарший престол и принял девиз правления Цзиньтай (景泰). В 1457 г. прежний император был отпущен ойратами из плена и вернулся в Китай. Вслед за этим он вновь был возведен на трон и продолжал властвовать до 1464 г. с девизом правления Тяньшунь (天順) [2, с.476; 4, с. 103-104; 5, с.211].

правительственном аппарате административные полномочия постепенно переходили к «внутридворцовым» сановникам, по большей части назначавшимся из числа придворных евнухов. С начала XV в. последние стали все более выходить за пределы их традиционных компетенций и, даже не будучи формальными обладателями высших административных должностей, принялись вторгаться в гражданское управление, военное дело и надзор. В дальнейшем, на протяжении полутора веков евнухи доминировали во власти, в то время как большинство из императоров, занимавших «драконовый престол» в середине и конце периода минского правления, лишь царствовали, но не управляли страной [2, с. 391-393, 396-397; 5, с.226-227]. Подобные перемены в кадровом составе правительственных инстанций, когда ученые-чиновники были отодвинуты на второй план, а бразды правления перешли к полуофициальным структурам, ускорили процесс деградации и разложения высшей имперской власти. Ее формальные и фактические обладатели все более погрязали в коррупции, творили произвол и разворовывали казну. Впрочем, кризисные явления, поначалу характеризовавшие жизнь Запретного города, с течением времени распространились на все регионы и все социальные слои китайского общества. Кризис имперской государственности сопровождался обострением не только политических, но и социальных противоречий в китайском обществе. В то время как верхи предавались безудержному расточительству, накоплению богатств, упоению властью и вседозволенностью, низы нищали и разорялись под гнетом высоких налогов и произвола чиновников. Для большинства из сельских простолюдинов условия повседневной жизни оказались непереносимыми, что не замедлило вылиться в повсеместное распространение крестьянских бунтов и восстаний. Положение в Китае усугублялось стихийными бедствиями – наводнениями, засухой, нашествиями саранчи, за которыми следовали голод, эпидемии и массовая смертность населения [2, с. 434, 479, 480]. Рост числа природных катаклизмов, приносящих разрушительные и губительные последствия, свидетельствовал о том, что китайское общество, страдающее многочисленными внутренними противоречиями и проблемами, постепенно теряло способность адаптации к непростым условиям окружающей его естественно-природной среды.

В таких обстоятельствах пребывание императорского двора и правительственных ведомств на севере, которое в начале XV в. во многом способствовало формированию в империи Мин мощной военно-административной системы, во второй половине и конце того же столетия превратилось в сложную проблему, усугублявшую трудности, переживаемые в тот период китайским государством и обществом. Очевидно, что любое нападение набравших силу кочевников несло в себе угрозу блокады или полного уничтожения расположенных в Пекине центральных властей и без того все менее эффективно управлявших постепенно слабеющей империей. Красноречивым подтверждением сказанному могут служить события 1449-1450 гг., последовавшие за упоминавшимся пленением ойратами императора Чжэньтуна. Военная катастрофа, приведшая к тому, что Сын Неба попал в руки «варваров», вызвала брожение и беспокойство в имперских правительственных сферах [6, л. 4544]. Беспокойство переросло в панику, когда ойраты, развивая успех, достигнутый ими в боях с минскими войсками в открытом поле, прорвали пограничные укрепления и устремились к стенам Пекина. Эти трагические для минской империи события стали первым из череды подобных прецедентов, которые и в 1449 г., и впоследствии в XVI - первой половине XVII в. неоднократно демонстрировали всю степень уязвимости ее административно-политического центра перед угрозой вторжения монголов.

Осознав вполне очевидную опасность осады, штурма и даже захвата Пекина войсками ойратского предводителя Эсна, многие правительственные сановники стали настаивать на необходимости возвращения имперской столицы на юг, туда, где она находилась при основании правящей династии. Китайские источники, в частности, сообщают о том, что брат плененного императора Чэнь-ван (郕王), утвердившийся на «драконовом престоле» под девизом Цзиньтай, повелел приближенным к нему сановникам высказать свои соображения о путях, способных предотвратить надвигающуюся катастрофу. Придворный астролог Сюй Чэн (徐程), выполняя повеление владыки, заявил о том, что астральные символы указывают на смуту и беспорядок, посему императорскому двору следовало бы отправиться на юг. Против подобных предложений выступил военный министр Юй Цянь (丁谦). Как сказано в «Истории династии Мин» (Мин ши), этот сановник «твердо и прямо заявил: «Те, кто говорит о переезде двора на юг, достойны отсечения головы. Столица – основа и корень *Поднебесной*⁴. Когда изменялось местоположение столицы, происходили большие события. Только не стоит ли при сем взглянуть на те события, кои возникли при переезде на юг *династии Сун*⁵?» Император одобрил сказанное Юй Цянем и утвердил предложение о том, чтобы занять в

⁴ Термин *Поднебесная* (天下) в данном случае употреблен в значении, соответствующем конфуцианским понятиям об универсальной, безграничной и мироустроительной власти китайского императора. Эти понятия часто выражали с помощью символов Неба и Земли – символов полноты охвата все накрывающей и все несущей на себе тверди: «по охвату [император] подобен Небу и Земле», «подобно Небу – все покрывает, подобно Земле – все несет на себе» [7, с.39].

⁵ *Династия Сун* (宋) находилась у власти с 960 по 1279 г. Начальный период ее истории был ознаменован потерей контроля над северными районами Китая, которые были захвачены чжурчжэнями, создавшими собственную империю Цзинь (金, 1115-1234). В связи с этим с 1127 г. и до конца своего существования первоначальное наименование сунской династии было дополнено индексом «Южная». Гибель последней была предпрещена монгольским завоеванием Китая, начавшимся на финальном этапе ее правления.

окрестностях столицы прочную оборону [6, л. 4544]. В результате собранные для защиты столицы минские войска оказали ойратам упорное сопротивление и отстояли Пекин⁶.

Современный уровень исторических познаний позволяет с уверенностью утверждать, что в XV в. в восточноазиатских степях отсутствовали сколько-нибудь весомые предпосылки для повторного начала монгольских завоеваний, подобных тем, что привели к созданию великой империи Чингис-хана [1, с. 350-351; 8, с.147-148; 9, р. 98-99; 10, р 10-11, 15; 11, р. 429]. Что же касается цитированного нами военного министра Юй Цяня, то ему вряд ли в достоверных подробностях могли быть ведомы события, происходившие то время севернее Великой китайской стены. Иначе он вряд ли посулил бы минскому правящему дому судьбу династии Сун, явно преувеличив степень опасности, которую для современного ему Китая представляли монголы. В XV – начале XVII в. угроза их набегов нависала лишь над северными и северо-западными регионами империи Мин, но отнюдь не распространялась все ее территорию.

Нам же, с точки зрения интересующей нас проблемы местоположения столицы империи Мин, роль Юй Цяня в событиях 1449-1450 гг. представляется весьма важной и интересной в ином плане. Судя по «высочайшему одобрению» высказываний военного министра, представления о необходимости сохранения политического центра империи на ее северных границах были достаточно популярны в высших правительственных сферах, даже несмотря на то, что часть придворных сановников в условиях вполне очевидной угрозы, исходившей от ойратов, настаивала на необходимости обезопасить центральную власть от нападений кочевников, для чего перенести место ее пребывания вглубь китайской территории. По-видимому, сторонники идеи о сохранении столицы в Пекине были близки к объективному пониманию той совокупности негативных последствий, которые неизбежно ожидали бы империю в случае принятия импульсивного решения о срочном переезде императорского двора на юг. Прежде всего, подобный переезд, в принципе, сложно согласовывался с нормами конфуцианской этики и мог бы стать поводом для обличения Сына Неба в малодушии. Такие обвинения вполне могли бы нанести непоправимый удар по авторитету минской династии и поставить под сомнение легитимность ее прав владения Поднебесной, тем более, что предыдущий император Чжэньтун, в то время когда происходили описываемые события, находился в плену у «северных варваров».

Помимо того отъезд центрального правительства на юг с большой вероятностью стал бы поводом к резкому ослаблению и без того не столь уж внушительных оборонительных возможностей, коими империя Мин в то время обладала на своих северных и западных границах. Это обстоятельство, в свою очередь, несло в себе угрозу полной дезорганизации административной системы в сопредельных с монгольскими кочевьями регионах Китая и обозначало вполне реальную перспективу утраты какого-либо контроля над положением дел в этих регионах со стороны центрального правительства. Имперским властям, оказавшимся в столь непростых условиях, было сложно удержаться от соблазна покинуть безопасный Пекин и перебраться в Нанкин, более безопасный уже хотя бы потому, что его стенам не грозила постоянная опасность монгольской осады. Однако минские императоры, побуждаемые наиболее здравомыслящими и твердыми духом представителями политических верхов, продолжали сохранять свою резиденцию на севере, вынужденно мирясь с постоянной угрозой нападения монголов.

Наряду со сказанным следует учесть, что особенности географического положения столицы были существенной, но не единственной из причин, по которым политическое и социально-экономическое положение минского Китая в немалой степени зависело от отношений с монголами. Соседство с ними помимо постоянной, временами потенциальной, но чаще вполне реальной угрозы вооруженного противостояния приводило к необходимости внушительных материальных затрат, обременявших правительственную казну, а вслед за ней и всю китайскую хозяйственную систему. Наступательные военные операции в степях при первых минских императорах и мероприятия по обороне северных границ при их преемниках вне всяких сомнений составляли одну из существенных статей расходов государственного бюджета, поскольку требовали мобилизации многочисленных войск и поглощали громадные материальные ресурсы. Ради примера упомянем о том, что император Юнлэ в ходе приготовлений к вторжению в кочевья восточных монголов в 1410 г. сформировал, вооружил и оснастил всем необходимым *чрезвычайно мощную армию*⁷. Для ее снабжения на приграничной территории было устроено несколько базовых лагерей, куда помимо прочих многочисленных припасов было завезено 26 млн. фунтов зерна. Транспортировка этого провианта потребовала мобилизации 30 тыс. тяжелых повозок [1, с. 359; 3, с. 36; 13, с. 446]. Двенадцать лет спустя тот же правитель при подготовке армии к очередному вторжению в пределы Великой Степи использовал 117 тыс. повозок и 235 тыс. тягловых лошадей, которые потребовались для перевозки 48 млн. фунтов зерна [1, с. 361]. В оценке масштабов подобных затрат

⁶ Несмотря на заслуги в отражении ойратского вторжения, Юй Цянь окончил свои дни на плахе. Поводом к столь суровому наказанию стало его деятельное участие в интронизации императора Чжу Цзюя в 1449 г. (см. прим. 2). Когда император Чжу Цзичжэнь был отпущен из плена и в 1457 г. вернулся на престол, он покарал сановников, передавших бразды правления его сводному брату [6, л. 4550].

⁷ Точное определение численности ее личного состава представляет собой трудноразрешимую задачу. В частности, «Мин ши» сообщает о 500 тысячах воинов [6, л. 8468], и в современной литературе можно встретить аналогичные статистические данные, не снабженные никакими комментариями [1, с. 359; 2, с. 475]. Вместе с тем, некоторые исследователи склонны видеть в такого рода сообщениях изрядную долю преувеличений [3, с. 36], другие полагают, что под командованием у Юнлэ в действительности находилось не более 100.000 солдат и офицеров [12, р. 229].

государственных средств может помочь следующий предварительный расчет. Для его построения прежде всего примем во внимание сообщение «Мин ши» о том, что в начальном году правления под девизом Чжэнтун (1436) из всех южнокитайских провинций, на тот момент являвшихся основной житницей в Среднем государстве, в виде натуральных налогов в доход имперскому правительству поступило более 4 млн. ши⁸ зерна [6, л. 1896]. В единицах измерений, близких современному пониманию, минская казна таким образом получила около 240 тыс. т. хлебного провианта. Применительно к первой четверти XV в. источники и литература не сообщают ни об изменениях ставок натуральных налогов, ни о существенных колебаниях урожайности зерновых в Южном Китае. Поэтому корректно предположить, что и в 1422 г., когда император Юнлэ собирал продовольствие для армии, действовавшей против монголов, государственные бюджетные фонды пополнялись зерном из Южного Китая в объемах, сопоставимых с приведенными выше значениями. В таком случае, 48 млн. фунтов (или 29 тыс. т.) зерна, выделенного войскам, наступавшим вглубь монгольских территорий, составили примерно 12% от этих поступлений⁹.

В сравнении с огромными затратами и усилиями, необходимыми для снабжения полевых и гарнизонных войск, действовавших против монголов, не менее дорогостоящим и сложным делом оказалось масштабное строительство укрепленных линий, развернутое минскими властями на северных и северо-западных границах. Во второй половине XVI в. здесь была создана система пограничных округов и сформированы укрепленные районы с многочисленными опорными пунктами [14, с.260]. К числу грандиозных строительных проектов, осуществленных в Китае при династии Мин, относится ремонт существовавших и возведение дополнительных участков Великой Китайской стены [2, с. 436]. Представления о стоимости таких строительных работ можно отчасти составить по материалам официальной переписки пограничных и центральных административных инстанций.

В одном из докладов, поданных в 1545 г. «на высочайшее имя» генерал-губернатором северо-западной провинции Шэньси Вэн Ваньда (翁万达), сообщалось о срочной и настоятельной необходимости сооружения крепостных стен между цитаделью Янхэкоу (阳和口)¹⁰ на востоке пограничной области Датун (大同)¹¹ и местностью у реки Сиянхэ (西阳河)¹², находившейся в пределах укрепленного района Сюаньфу (宣府)¹³. Эти фортификационные сооружения должны были укрепить наиболее опасное северо-западное направление в системе обороны имперской столицы. По расчетам докладчика, стоимость работ по их возведению оценивалась в 280 тыс. серебряных лян¹⁴ [6, л. 5245]. О масштабах «сметной стоимости» рассматриваемого проекта можно судить, сопоставив их, например, с тем, что в последние годы существования империи Мин ежегодный объем средств, ассигнованных ее центральными властями на военные нужды, равнялся примерно 20-ти млн. лян серебра [16, с. 251]. Но для более точного определения той степени, в какой предложенный Вэн Ваньда проект мог обременить государственный бюджет, следует учесть, что в середине XVI в. в составе его затратных статей военные расходы находились вовсе не на первом месте. Несмотря на то, что северные и северо-западные окраины империи в то время подвергались постоянной угрозе вторжения кочевников, в распределении казенных финансов приоритет отдавался не оборонному строительству, а покрытию огромных затрат на содержание императорского двора и многочисленных родственников правящего дома. Число последних рубежу 60-70-х гг. XVI столетия достигло 28 тыс., и определенное им государственное содержание поглощало 38% средств, поступающих в имперский бюджет от налогов [2, с.387]. Помимо того и сами обладатели «драконового трона» в XVI и начале XVII в. как правило, не проявляли склонности к экономии казенных средств, ассигнуемых на обеспечение их собственных потребностей и на удовлетворение материальных запросов громадного числа окружающих их придворных. В источниках и литературе содержится многочисленные сведения о безумном расточительстве, которое при этом позволяли себе обладатели «драконового трона». Например, ассигнования на устройство

⁸ Ши (石) - мера веса в китайской традиционной системе измерений, равная 59,7 кг

⁹ Заметим, что подобное соотношение между общим уровнем доходов казны и расходами на военные операции против монголов, в целом, согласуется с подсчетами авторов «Кэмбриджской истории Китая», предпринятыми применительно ко второй половине XVI в. Согласно этим подсчетам, в 1578 г. ресурсы хлебного провианта, выделенные имперским правительством на нужды охраны и обороны северных границ, составили 3,3 млн. ши, в то время как общий объем доходов казны от натуральных налогов равнялся 26, 6 млн. ши [12, р., 133]

¹⁰ Янхэкоу – укрепленный пункт на китайско-монгольской границе, расположенный на севере одноименного военного округа (阳和卫), входившего в состав пограничной области Датун (см. прим. 10). Нынешнее расположение – территория уезда Янгао (阳高) пров. Шаньси (山西) КНР.

¹¹ Датун – в период империи Мин одна из девяти северных китайских пограничных областей. Ныне – территория одноименного уезда пров. Шаньси КНР.

¹² Сиянхэ – небольшая река, часть системы притоков р. Санганьхэ (桑干河), относящейся к бассейну одной из крупнейших рек Северного Китая Юндинхэ (永定河). Судя по изображению на современной карте, воспроизводящему административно-политические реалии второй половины XVI в. [15, л. 44-45], в рассматриваемый период течение Сиянхэ пересекало китайско-монгольскую границу на западе Левого военного округа Ваньцюань (万全左卫), входившего в состав укрепленного района Сюаньфу (см. прим. 12).

¹³ Сюаньфу – в период империи Мин одна из девяти северных китайских пограничных областей. Ныне территория уезда Сюаньхуа (宣化) пров. Хэбэй (河北) КНР.

¹⁴ Лян (两) – мера веса в китайской традиционной системе измерений, равная 37,3 г, или серебряная монета весом в 37 г.

императорской свадьбы в те времена могли составлять *несколько млн. лян*¹⁵ [2, с.394-395; 17, с. 77]. В сравнении с такими расходами финансовые запросы авторов упомянутого нами проекта строительства пограничных укреплений вряд ли могут показаться чрезмерными.

Впрочем, позволительно предположить также и то, что выдвинувший этот проект генерал-губернатор одной из крупнейших китайских провинций был вполне сведущ в современной ему практике ведения государственных дел и понимал, сколько денег и на что готово потратить вышестоящее начальство. Симптоматично, что план, предложенный Вэн Ваньда, был сочтен чрезмерным и ненужным при его экспертизе в имперской Военной палате. Ее сановники не одобрили замыслов шэньсийского губернатора по причине «наличия в Датуне уже имеющихся двух укрепленных линий и отсутствия необходимости в сооружении дополнительных крепостных стен внутри пограничной территории». Однако император Цзяцзин (嘉靖)¹⁶ все-таки утвердил доклад Вэн Ваньда, и спроектированная последним полоса укреплений протяженностью в 128 *ли*¹⁷ и включавшая 7 цитаделей и 154 крепостные башни была сооружена всего за 50 дней [6, л. 5245].

Вместе с тем, рассмотренный нами случай вряд ли может служить эталоном, показывающим действительную степень оперативности и эффективности, которую бюрократический аппарат империи в Мин в XV – XVI вв. проявлял в решении проблем совершенствования системы фортификационных сооружений на монгольской границе. Чаще всего в этой сфере, при всей ее очевидной важности с точки зрения государственных интересов, административный механизм действовал со скрипом, а насущные вопросы решались медленно, не последовательно или не решались вовсе. Причем, подобные результаты отнюдь не обязательно могли быть следствием бюрократической волокиты или беспечности. Порой «дыры» в охране границ возникали вследствие активных, но недостаточно расчетливых или некомпетентных действий чиновников, искренне стремившихся сесть «как лучше». За иллюстрацией к сказанному обратимся к сообщениям биографического раздела «Мин ши», описывающим деятельность сановника Ян Ицина (杨一清). Одним из этапов его чиновной карьеры стала должность начальника над тремя оборонительными районами, защищавшими северо-западную границу. Получив это назначение, в 1506 г. Ян Ицин обратился на имя *императора Чжэндэ*¹⁸ (正德) с докладом, в котором высказывал свое мнение о неправомерном отклонении центральными правительственными ведомствами одного из проектов строительства фортификационных сооружений на северных рубежах пров. Шэньси (陕西). Выдвинувший этот проект сановник Ши Линь (史琳), начальствовавший над оборонительным районом Нинся (宁夏), предложил возвести полосу пограничных укреплений, предназначенную для размещения сильного гарнизона, на линии от местности *Хуамачи* (花马池)¹⁹ до *Вэйчжоу* (韦州)²⁰. По плану, предложенному Ши Линем, полосу фортификационных сооружений следовало протянуть с юго-запада на северо-восток на расстояние примерно в 250 км. Судя по всему, таким образом предполагалось усилить оборону северо-восточного фаса внешних границ упомянутого оборонительного района, которые по форме представляли собой своеобразный «язык», вытянутый на север вглубь территории, традиционно принадлежавшей монголам. По-видимому, основная угроза нападений кочевников исходила именно с северо-востока, поскольку в источниках и литературе неоднократно встречаются сообщения о том, что для прорыва вглубь пров. Шэньси в XV и XVI в. монголы избирали именно это направление [3, с. 25, 110, 124; 6, л. 5225, 5226]. Однако вышестоящие правительственные инстанции не сочли проект командира пограничного района обоснованным и осуществили другой, альтернативный ему план, который предполагал возведение более протяженной укрепленной линии на противоположном северо-западном фланге территории Нинся. Эта линия проходила с запада на восток на некотором удалении от границы с монгольскими кочевьями. Как сообщил императору Ян Ицин, в ходе реализации правительственного проекта на расстоянии в 700 *ли* между оборонительными пунктами *Цзинлу* (靖虏)²¹ и *Хуаньцин* (环庆)²² было построено всего лишь четыре-

¹⁵ Без преувеличения, космический масштаб этих затрат можно оценить, если учесть, что в рассматриваемый нами период на годовое жалованье чиновника 4-го класса, относившегося к среднему звену столичной или к высшему звену региональной бюрократии, минская казна выделяла 62,05 лана. При этом средний месячный доход поденного работника не превышал одного лана, а богатый и хорошо устроенный дом в Пекине можно было приобрести за 7.000 лан [12, p. 152].

¹⁶ *Цзяцзин* – девиз правления императора Чжу Хоуцуня (朱厚燾), правившего с 1522 по 1567 г.

¹⁷ *Ли* (里) – меры длины в китайской традиционной систем измерений, равная 576 м.

¹⁸ *Чжэндэ* – девиз правления императора Чжу Хоучжао (朱厚照), находившегося на троне с 1506 по 1522 г.

¹⁹ *Хуамачи* – в начале XVI в. укрепленный пункт, относившийся к Тыловому военному округу оборонительного района Нинся (宁夏后卫). Ныне – территория северо-западной части уезда Динбянь (定边) пров. Шэньси КНР. На важность крепости Хуамачи во всей системе обороны северо-западных рубежей империи Мин неоднократно указывали авторы различных китайских историко-географических сочинений, посвященных описанию областей, граничивших с монгольскими кочевьями. Об этом, в частности, см: [3, с. 25].

²⁰ *Вэйчжоу* – в начале XVI в. укрепленный пункт в юго-восточной части территории Авангардного военного округа оборонительного района Нинся (宁夏前卫). Ныне – одноименный населенный пункт в северо-восточной части уезда Тунсинь (同心) пров. Нинся КНР.

²¹ *Цзинлу* – в начале XVI в. военный округ (вэй, 卫) в западной части оборонительного района Нинся, учрежденный в 1437 г. по указу императора Чжэнтуня. Ныне – территория уезда Цзинъюань (靖元) пров. Ганьсу (甘肃) КНР.

пять небольших укрепленных цитаделей и вырыт крепостной ров. Автор доклада сетовал на то, что поддержавший этот план глава имперской Военной палаты Цинь Хун (秦纘) необоснованно счел столь незначительные и, вдобавок, проведенные не там, где надо, фортификационные работы достаточными для отражения угрозы, исходившей из Степи. По прошествии одного-двух лет после их окончания набег монголов возобновились. Оценивая их последствия, Ян Ицин привлек «высочайшее внимание» к следующим обстоятельствам: «В действительности, укреплений, построенных Хуном, оказалось недостаточно для отпора врагу. Я, покорный раб его императорского величества, давно служу в провинции Шэньси и вполне изучил положение здешних дел. Силы врагов исчисляются многими десятками тысяч, и появляются они внезапно. Если не расположить и не собрать войска, если не произвести многочисленных потребных для сего расходов, то вскоре настанет время, когда звать на помощь будет поздно» [6, л. 5226]. Скорее всего, сановник, начальствовавший над обороной северных границ, в этих своих критических суждениях был абсолютно прав. В рассмотренном им случае казенные силы и средства были потрачены некомпетентными правительственными инстанциями впустую, и новая укрепленная линия, как минимум, не усилила оборону стратегически важного участка северной границы.

Приведенные примеры, как нам кажется, могут служить частными подтверждениями тому общему обстоятельству, что необходимость поддержания и развития системы оборонительных сооружений на монгольской границе объективно относилась к числу важнейших задач, стоявших перед властями империи Мин на всем протяжении ее истории. Превращение северных и северо-западных рубежей страны в заслон, непреодолимый для кочевников, являлось синонимом безопасности стратегически важных регионов, игравших ключевую роль в общегосударственной административной системе. Подобная действительность понуждала имперское правительство к тому, чтобы изыскивать пути к решению упомянутой задачи вне зависимости от колебаний внутривластной ситуации, придворных интриг, состояния государственных финансов и прочих привходящих обстоятельств. Впрочем, опоясавшие внешние рубежи фортификационные сооружения, а равно и размещенные для их обороны крупные воинские контингенты, отнюдь не изолировали территорию Китая от кочевых соседей и не являлись гарантией защиты от постоянных вторжений в ее пределы северных и западных «инородцев». Как уже говорилось, во второй половине XV в. такие вторжения участились, и губительное влияние их разрушительных последствий стало постепенно перерастать региональные приграничные масштабы и превращаться в общегосударственную проблему [3, с. 86-87]. Очевидный рост военно-политической активности монголов в отношениях с империей Мин был связан с появлением в восточноазиатских степях нового центра власти, сформированного усилиями потомков «Золотого рода» Чингис-хана. Их лидером стал Баян Мункэ (Даян-хан), который к 1488 г. установил свою власть над большинством из восточномонгольских племен. Организация успешных нападений на империю Мин в начале XVI в. стала для Даян-хана одним из способов дальнейшего расширения и укрепления собственной власти над кочевниками, населявшими Северную и Южную Монголию. В том числе и поэтому в период его правления (Даян-хан ушел из жизни в 1533 г.) мир и покой на северных границах Китая были редкими и кратковременными явлениями. Временами многочисленные монгольские армии не только прорывали полосу пограничных укреплений, но и устремлялись вглубь китайской территории. Наибольшего полководческого успеха Даян-хан добился в 1516 г., когда ведомое им 70-тысячное войско захватило и разорило районы, лежавшие к северо-востоку от Пекина [3, с. 146].

Вместе с тем следует заметить, что централизация власти в монгольском мире не была единственной причиной неудач, которые китайская сторона терпела в XV –XVI вв. в приграничных баталиях с кочевниками. Восхождение Даян-хана к высотам политического могущества в Монголии сопровождалось упоминавшимся ранее кризисом имперской государственности в Китае. Одним из проявлений этого кризиса стала постепенная утрата империей Мин способностей к тому, чтобы охранять и оборонять свои северные и западные границы. О степени дезорганизации и деморализации китайской пограничной охраны, в частности, свидетельствует приведенный Д.В. Покотиловым доклад цензора Чэнь Сюаня (陈選). В 1464 г. этот сановник уведомил императора Тяньшуня о катастрофически низкой дееспособности служивших на границе чиновников и об отсутствии порядка и дисциплины в войсках, стоящих на ее страже. В частности цензор писал о том, что пограничные чиновники «следуют рутинным обычаям и совершенно изленились», города и укрепления не ремонтируются, амуниция и оружие находятся в жалком состоянии. Особо Чэнь Сюнь негодовал по поводу взяток, которые богатые солдаты дают своим командирам с тем, чтобы откупиться от службы, в то время как бедные «нижние чины» терпят голод, холод, лишения и разбегаются [3, с. 100]. Впрочем, этот доклад, как и многие другие подобные донесения, направленные правдивыми и добросовестными сановниками на «высочайшее имя», никак не помогли в том, чтобы остановить процесс развала минской военно-административной системы, который к началу XVI в. охватил всю империю и принял катастрофические масштабы. В то время даже в столичных гвардейских воинских подразделениях фактическая численность личного состава составляла лишь 15% от штатной. В гарнизонах же, отдаленных от столицы, налицо имелось в лучшем случае 5 % от номинально числившихся в их составе солдат. В докладах вышестоящих сановников трону содержались признания в том, что из десяти чинов, состоявших

²² Хуаньцин – в начале XVI в. округ (лу, 路) в центральной части пров. Шэньси. В середине того же века был преобразован в область Циньянфу (庆阳府). Ныне – территория уезда Циньян пров. Ганьсу КНР.

на военной службе, в среднем восемь дезертировали, поскольку годами не видели положенного им жалования. В одном из таких докладов, датированном 1567 г., сказано, что из общего списочного состава минской армии в 3.183.300 человек в действительности под ее знамена можно было собрать не более 845.000 [12, р. 151, 154].

В таких обстоятельствах империя Мин чем далее, тем более демонстрировала бессилие в том, чтобы наладить охрану и оборону собственных северных и северо-западных окраин. Спутником этих явлений стали массовая гибель приграничного населения и огромный материальный ущерб, который в XV – начале XVII в. был нанесен Китаю монгольскими набегами. Впрочем, следует заметить, что их главной целью в тот период почти всегда была нажива, но отнюдь не поголовное истребление китайских земледельцев. Те обитатели приграничных территорий, которым посчастливилось пережить нападения степных воинов, оказывались в полностью разоренной стране, испытывали голод, лишения и зачастую вынуждены были массово бежать подальше от опасной и беспокойной границы. Подобные последствия монгольских военных экспедиций вряд ли можно назвать случайными, поскольку в рассматриваемый период, как и на протяжении большей части своей истории, восточноазиатские кочевники под влиянием закономерностей их общественной эволюции, в принципе свойственных подвижным скотоводческим обществам, превратили войну в важный, а порой и единственный способ поддержания собственного экономически независимого существования²³. Не случайно, что китайские источники, описывающие вторжения кочевников в северные и северо-западные окраины империи Мин, содержат многочисленные сообщения о повальных грабежах и разорениях, чинимых проникавшими в эти регионы монгольскими войсками. По сообщениям этих источников, поголовье угнанного ими домашнего скота и количество захваченного продовольствия было столь велико, что не поддавалось учету [13, с. 534]. В целом же, приведенные факты показывают, что в XV – начале XVII в. частые нападения монголов не только всерьез грозили минскому Китаю военным разгромом и дезорганизацией административной системы, но одновременно разорали его северные и северо-западные провинции и тяжело обременяли государственную казну.

Изложенное, как нам кажется, позволяет понять, сколь глубокие и разнообразные государственные, политические, экономические, военные интересы империи Мин диктовали ее властям необходимость выработки и проведения в отношениях с монголами рациональной, взвешенной и эффективной политики. От ее творцов прежде всего требовалось нейтрализовать или, по крайней мере, свести к минимуму угрозу вооруженной агрессии против Среднего государства, постоянным источником которой были восточноазиатские кочевники. Впрочем, в любых сферах человеческой деятельности путь от объективной необходимости к практическому результату чаще всего бывает непрост и тернист. Исторический сюжет о том, как формировалась и осуществлялась монгольская политика в минском Китае, содержит многочисленные подтверждения этому очевидному правилу. Государственным мужам империи Мин далеко не всегда и отнюдь не во всем удавалось определить верную, с точки зрения интересов управляемой ими страны, тактику и стратегию отношений с монголами. Источники и литература содержат многочисленные примеры, указывающие на то, что китайское государство и общество не раз становилось заложником неверных решений, принятых минскими властями в попытках решить «монгольский вопрос». О некоторых из таких примеров речь шла выше. Но их ряд может быть продолжен упоминаниями о тяжелых поражениях, понесенных империей Мин в 40-е и 50-е годы XVI в. в войне восточными монголами, во главе которых встал лидер тумэтов Алтан-хан. К 1557 г. эти неудачи достигли таких масштабов, что при императорском дворе стала всерьез дебатироваться перспектива капитуляции перед «северными варварами», захватившими западную часть укрепленного района Датун [6, л. 8483]. Потеря этого стратегически важного узла обороны северной границы открывала армии Алтан-хана доступ в окрестности Пекина и вновь, как за сто лет до этого при нападении ойратов, возвращала в повестку дня вопрос о переносе столицы в какое-нибудь другое более безопасное место. В общем же, просчеты в монгольской политике в немалой степени способствовали подрыву военного и экономического могущества Минской империи и в конечном итоге – ее распаду. По словам Т. Барфилда, «падение Мин в результате атак повстанцев и вторжения из Маньчжурии в 1644 г. явилось, по крайней мере, частично, горьким плодом ее неправильной пограничной стратегии» [1, с. 351].

Недостаточно продуманные решения минских властей о том, как им следует строить отношения с монголами, а равно и плохая организация выполнения этих решений, отчасти стали следствием прогрессирующей слабости и недееспособности, разъедавших изнутри имперскую администрацию со второй половины XV и до конца ее существования. Деятельность монархов, занимавших в то время «драконовы трон», не отмечена сколько-нибудь заметными успехами и не заслужила лестных оценок ни от их преемников, ни от последующих исследователей. Так, А.А. Бокщанин и О.Е. Непомнин дали ей следующую характеристику: «Думая лишь о развлеченьях и наслаждениях, эти, по сути, номинальные государи отдали управление страной на откуп придворным кастратам. Свое безделье Сыны Неба — преемники Чжу Юаньчжана и Чжу Ди считали высочайшей привилегией, стараясь не слушать и не говорить о делах. Так, император Цзяньшэнь (1464–1487) за 23 года своего царствования лишь один раз принял сановника, да и то с чисто ритуальным визитом. Хоучжао за шестнадцать лет правления (1505–1521) ни разу не принимал своих сановников. Хоуцун (1521–1566) и Ицзюнь (1572–1620) по двадцать с лишним лет не

²³ Среди многочисленных исследований упомянутых нами закономерностей развития кочевых обществ заслуживают упоминания работы Т. Барфилда, А.М. Хазанова и Н.Н. Крадина [1, с.349, 350; 18, с. 120; 19, с. 119].

прикасались к государственным делам. Их августейшее время было слишком «драгоценно», а их дух — слишком «возвышенным», чтобы заниматься низменными и скучными административными вопросами» [2, с. 394; 17, с.77]. Возможно, подобный образ действий минских верховных правителей в какой-то мере согласовывался с традицией, возникшей еще во времена древней империи Хань и сохранившей известную преемственность в последующей истории формирования институтов императорской власти. Суть этой традиции в терминах конфуцианской теории, по словам В.В. Малявина, состояла в том, что управлять в императорском Китае, по сути, отнюдь не значило «употреблять власть» и еще меньше — заниматься административной деятельностью. Управление приравнивалось к священнодействию, утверждавшему вселенский порядок. Вместе с тем, то обстоятельство, что в категориях традиционной политической культуры Китая император должен был править «предоставляя мир самому себе», отнюдь не означало, что ему следовало отказаться от ответственности и руководства [20, с. 84]. В этом смысле превознесение сакральных функций верховной власти в ущерб ее профанной активности, увлечение созерцанием «Небесного промысла» и отказ от «мирской суеты» несли в себе опасность невольного превращения «Сына Неба» из носителя действенной власти в беспомощное и бесполезное «пустое место» на императорском престоле, в заложника амбиций и умонастроений сановников, «толпящихся у трона». Подобные закономерности определили эволюцию институтов императорской власти в минском Китае со второй половины XV и до начала XVII в. Большинство из правителей, оказавшихся у власти в тот период, по стечению разнообразных, но не всегда очевидных обстоятельств, сопровождавших их деятельность, определенно отдавали чрезмерную дань стремлению отстраниться от мирских событий, из-за чего потеряли нити управления страной.

Вместе с тем, история минского правящего дома знала и иные времена, когда во главе государства стояли выдающиеся правители, основавшие империю и приведшие ее к вершинам могущества. Помимо родоначальника династии императора Хун'у²⁴ (洪武) к их числу, безусловно, относится и упоминавшийся ранее Юнлэ. В те годы, когда оба они были у власти, империя Мин в противостоянии с кочевниками отнюдь не была постоянно «сражаемой» стороной. Китай значительно реже страдал от нападений монголов и ущерб от их набегов был не столь катастрофичным, каким он стал начиная со второй половины XV в. Напротив, сформированные в минской империи многочисленные, хорошо организованные и оснащенные армии зачастую успешно действовали вне пределов Великой китайской стены и достигали решительных успехов в борьбе с кочевыми обитателями восточноазиатских степей. При императоре Хун'у в 1388 г. китайские войска нанесли сокрушительное поражение монголам в окрестностях озера Буир-нур. Эта победа привела династию Юань к окончательному краху и к потере власти не только над Средним государством, но и над степными монголами [3, с. 13-14]. Император Юнлэ в первой четверти XV в. безуспешно воевал с восточными монголами и с ойратами на их территории.

Таким образом, соседство с монголами в разные периоды истории империи Мин приносило ее властям, как, впрочем, и Китаю в целом, разные плоды. При этом изменения в стратегии и методах решения «монгольского вопроса» происходили в минских политических верхах отчасти по мере того, как эволюционировала вся имперская государственность, но отчасти и под влиянием стечения специфических обстоятельств, определявших перемены в сфере взаимоотношений между Китаем и восточноазиатскими кочевниками. Под влиянием всех этих факторов складывались те закономерности развития монгольской политики минских властей, которые являются основным объектом исследования в данном очерке.

В ходе формирования централизованного имперского государства во второй половине XIV – начале XV в. основатели минского правящего дома столкнулись с проблемами восстановления престижа Китая как суверенного государства и прекращения вторжений извне. Решать их новая императорская династия могла лишь понятными и доступными ей способами, в принципе, сводившимися к водворению во взаимоотношениях с внешним миром традиционного китайского «мирового порядка». Теоретической основой минской внешнеполитической доктрины стало восприятие окружающего мира как «варварской периферии», с которой, в принципе, были возможны лишь вассальные отношения и которая являлась объектом упорядочивающего воздействия императорской власти [2, с. 469; 12, р. 221; 16, с. 257]. Фундаментальные принципы подхода минских политиков к определению места «северных кочевых инородцев» в подлунном мире базировались, во-первых, на постулировании принципиальной, всеобъемлющей и вневременной несовместимости их уклада жизни с китайской культурой и, во-вторых, на признании соседства с ними тяжким бедствием для Среднего государства.

Такие идейные стереотипы порождали соответствующие им представления о моральном облике и духовных качествах обитателей Великой степи, основываясь на которых минские политики формулировали принципы подхода к отношениям с монголами. Смысл этих представлений отчасти иллюстрирует сочинение «Обычаи и привычки северных инородцев²⁵» (北虜风俗), написанное в 1594 г. минским историком и философом, сановником имперской военной палаты Сяо Дахэном (萧大亨), который с 1580 по

²⁴ Под девизом Хун'у с 1368 по 1644 г. правил император Чжу Юаньчжан (朱元璋).

²⁵ Термин «бэйлу» (北虜) или «северные инородцы (варвары, враги)» в минской официальной терминологии и административном лексиконе, в принципе, использовался для обозначения северных соседей Среднего государства, которыми в первую очередь являлись монголы.

1588 г. служил на северной границе в должности губернатора области Нинся и был причастен к определению монгольской политики имперских властей. Открывает сочинение следующий пассаж: «Существование северных варваров состоит в том, чтобы приносить страдания и горести пограничью [Срединного государства], они не могут не грабить и не устраивать смуту». Далее автор продолжает: «После того как их твердо наставят на путь истинный, они отвращаются от военного промысла и предпочитают искать защиту и покровительство. Найдя же таковые, они разочаровываются в них и склоняются к тому, чтобы приносить дань, но, расставшись с сим последним стремлением, вновь берутся за оружие. Даже если употребить на то все силы Поднебесной, они все равно не усмирятся и не успокоятся. Если многолетние усилия будут потрачены на упорядочение у них одного, они нарушат другое» [21, л. 1]. Такая характеристика образа жизни и пристрастий «северных инородцев» вполне коррелирует с общими принципами деления мира на Срединное государство и «варварскую периферию», присущими традиционной китайской идеологии. Суть этих принципов была точно выражена А.С. Мартыновым: «В представлении китайцев, все, что отличало их от «варваров», можно свести к двум основным моментам. Во-первых, окраинное положение «варваров» предопределило склонность их ко злу и неспособность выработать надлежащие нормы поведения (создать цивилизацию). Во-вторых, отсутствие цивилизации привело к тому, что в своем поведении они не руководствовались твердыми принципами, а вели себя в зависимости от обстоятельств..., поэтому им нельзя доверять» [7, с. 39]. Отсюда в логической последовательности возникал следующий принцип: «варвары» в силу несовершенства их бытия не могли не подпасть под влияние упорядочивающих воздействий власти китайского императора. «На императорское воздействие внешний мир реагировал двояко, Одни народы сразу покорялись ему. Их действия определялись как *гуй шунь* (归顺) – «предаться власти [императора], сообразуясь с [мировым законом]». *Гуй шунь* являлось нормальной типичной реакцией на императорское воздействие. Но были и досадные исключения, *ни мин* (逆命) – «идущие против воли Неба». К ним приходилось применять силу, и затем их определяли как *гуй сянь* (归降) – «предавшиеся власти в результате капитуляции» [7, с. 42-43].

Что же касается минских властей и монголов, то первые никак не могли упустить отношения с последними из сферы своего пристального внимания, поскольку необходимость достижения гармонии в этой сфере (естественно, в том значении термина «гармония», которое было свойственно китайской политической доктрине) составляло одно из главных направлений «мироустроительной» деятельности правителей Поднебесной. Арсенал методов и средств, которым в данном случае оперировала китайская сторона, варьировал между упомянутыми выше «гуй шунь» и «гуй сянь». При этом состояние минских государственных институтов и особенности проводимой ими политики, в том числе, их подход к отношениям с монголами, в значительной степени зависели от того, кто, как и когда управлял империей. Первые обладатели прав на «драконовый престол» во второй половине XIV – начале XV в. отличались склонностью к активным формам воздействия на «периферию», окружавшую Срединное государство. Наибольшими достижениями в этом смысле отмечена первая четверть XV в., когда на императорском троне восседал Чжу Ди, принявший девиз правления Юнлэ. За постоянные перемещения по просторам огромной империи современные историки порой именуют его «конным императором» [5, с. 205]. Юнлэ отличался постоянным и деятельным участием в управлении государством, не исключая и область внешней политики. По его инициативе совершались военные походы во Вьетнам, в страны южных морей многократно отправлялись грандиозные корабельные эскадры, демонстрировавшие богатство и мощь Китая. Но наибольшее внимание в отношениях с «варварской периферией» император уделял окончательному «усмирению» потерявших власть над Китаем монголов. С 1409 по 1424 г. направляемая им минская армия пять раз вторгалась в монгольские степи, и болезнь, приведшая к смерти, застала его в одном из таких походов [1, с. 358-359; 3, с. 36-42; 4, с. 103]. Следует заметить, что Юнлэ и его полководцам удалось преодолеть традиционную неспособность китайских войск к активным и эффективным действиям против монголов в глубине их кочевий, в отдалении от пограничных укреплений и баз снабжения. Формируя армию для походов за пределы Великой стены, «конный император» с присущими ему упорством и решимостью создал мощные кавалерийские соединения. К службе в них помимо китайцев, в основном выходцев из северных провинций, привлекались монголы, взятые в плен минскими войсками или добровольно перешедшие на их сторону. Такие соединения, во многом копировавшие организацию, оснащение и тактику кочевой конницы, использовались в качестве главной ударной силы в ходе военных кампаний против «северных инородцев» [2, с. 387]. Впрочем, цель этих кампаний, по справедливому указанию Н.П. Свистуновой, состояла отнюдь не в захвате и удержании под контролем монгольских территорий, а в физическом уничтожении сил враждебных Китаю кочевников или в их вытеснении из приграничных районов [22, с. 186, 229]. В китайских источниках задачи, которые решали в подобных случаях минские войска, определяются терминами «привести к повиновению» (征) или «покарать» (讨) непослушных воле императора «варваров». Именно так авторы «Мин ши», в частности, интерпретируют предназначение и результаты ударов, нанесенных минскими войсками в 1410 г. по восточномонгольским племенам, подконтрольным Аруктаю [6, л. 88], и в 1414 г. по ойратским кочевым объединениям, предводительствуемым Барсу Болодом [6, л.90]. Общее предназначение таких акций грозного императора Юнлэ, по мнению тех же авторов, не состояло только лишь в решении «монгольского вопроса», но служило

примером для всей Поднебесной в том, чтобы «наказать ослушников и наставить на путь истинный заблудших»²⁶ [6, л.87].

Иными словами, и сам Юнлэ, и историки, впоследствии интерпретировавшие его деяния с позиций традиционной китайской политической доктрины, исходили из того, что главная цель военных походов, предпринятых империей Мин в первой четверти XV в. против «северных варваров», состояла в их насильственном обращении в состояние «предавшихся покорности в результате капитуляции» (или «гуй сянь»). Следствием перехода в это состояние должен был явиться приезд «инородцев» к императорскому двору с «данью», т.е. с дарами, происходившими из мест их обитания. Причем, прибытие «варваров» с подобной миссией рассматривалось прежде всего как следствие внутреннего положения в самом Китае, как плод больших или меньших успехов, которых императорская власть добилась в главном для нее деле мироустройства [7, с. 43]. В этом контексте вполне естественно, что в «Мин ши» в качестве главного позитивного результата, который был достигнут «конным императором» в ходе войны с восточными монголами, приведен единственный факт: их правитель Аруктай принес дань лошадьми (贡马) [6, л. 88, 89]. Впрочем, из тех же соображений объяснимо и то, что после завершения (в той или иной степени успешного) карательных акций по отношению к непокорным кочевым «инородцам», минская армия не предпринимала попыток оккупации населенных ими территорий и всякий раз возвращалась в исходное положение за Великую китайскую стену. Имперские правительственные инстанции, в принципе, не использовали плоды военных побед, одержанных над монголами, для закрепления за собой их кочевий, для утверждения здесь китайской административной системы или для насаждения среди «северных варваров» образа жизни и обычаев, свойственных жителям Среднего государства.

Некоторым изъятием из этих общих правил, впрочем, скорее подтверждающим, чем опровергающим их действенность, выглядит стремление минских властей привлечь на свою сторону часть монгольских кочевых объединений и использовать их в качестве союзников, усиливающих военный потенциал империи, обращенный против враждебных ей степных «инородцев». Первый опыт в налаживании подобных контактов с «северными варварами» был обретен минской администрацией еще во второй половине XIV в. при основателе династии императоре Хун'у. Последний способствовал переходу на его сторону оставшихся в Китае после падения династии Юань монгольских воинских частей и включил их в подначальную ему армию [1, с.352]. В дальнейшем, после того как минские войска в 1388 г. разгромили монголов в битве у оз. Буир-нур, Хун'у повелел сформировать из покорившихся его власти урянхайских племен несколько военных поселений на северо-восточной границе Китая. «Таким образом, - пишет Д.В. Покотиллов, - в 1389 году учреждено было три, так сказать, инородческих округа Доянь (朵颜), Тайнин (泰宁) и Фуюй (福余)» [3, с. 15]. Изданный на сей предмет императорский указ предписывал их правителям «каждому в отдельности иметь подведомственные племена под твердым управлением, дабы сохранять мир и спокойствие в их кочевьях». Расселенные в пределах инородческих округов урянхайцы получили официальный статус «инородцев, приближенных к правящему дому» (属夷) [13, с. 453].

Впоследствии это начинание отнюдь не заглохло и получило дальнейшее развитие при преемниках, сменивших Хун'у на троне, в частности при императоре Юнлэ. Ему удалось не только использовать урянхайцев в качестве «пограничного щита», но и включить их ополчение в состав войск, поддержавших его претензии на верховную власть во время войны за престолонаследие в 1399-1402 г. [13, с. 453, 454]. В качестве награды за «явленные при сем воинские заслуги» Юнлэ пожаловал урянхайским вождям аристократические титулы, а их племена были официально объявлены иноземными военными подразделениями в структуре территориальных воинских частей минской армии, именовавшихся «вэйсо» (卫所) [1, с. 358; 3, с. 30]. По тому же принципу на северо-западных рубежах пров. Ганьсу в начале XV в. было «устроено» еще некоторое количество монгольских племен, населявших здешнее приграничье [3, с. 42,43; 12, р. 225]. Впрочем, наделяя отдельные монгольские племенные объединения подобным статусом, минские власти не вторгались в их внутренне социальное устройство, не реформировали традиционно присущую им систему управления и продолжали рассматривать их как «варваров», отличающихся от соплеменников лишь особыми привилегиями, полученными за заслуги перед правящей династией. Симптоматично, что урянхайцы уже после того, как обрели упомянутый выше особый статус, продолжали приезжать к императорскому двору с данью наравне со всеми прочими «варварами». В частности, в «Мин ши» сказано, что император Юнлэ в 1413 г., явив милость к правителям трех перечисленных выше урянхайских округов, «совершившим преступные деяния», повелел тем принести дань во искупление провинностей [6, л.89].

Приведенное сообщение китайского источника, помимо указаний на даннические обязанности урянхайцев, важно для нас тем, что в нем содержатся сведения о допущенных ими «преступных нарушениях» условий пребывания в составе минской пограничной охраны. К числу таких нарушений, за которые, заметим, кстати, племенным лидерам в рассмотренных нами обстоятельствах не было назначено практически никакого наказания, скорее всего, относятся попытки расширить подконтрольные им кочевья

²⁶ 以北征讨天下

за счет территорий пограничного округа Тайнин (大宁)²⁷, предпринятые вопреки запрету имперской администрации [13, с.454]. Тем самым очевидно, что в начале XV в. в системе охраны и обороны северных границ империи Мин урянхайцы оказались малонадежным и трудно управляемым элементом. Вместе с тем Т. Барфилд полагает, что союз с ними, при всех сопутствующих ему сложностях и противоречиях, все же позволил Юнлэ защитить уязвимый северо-восточный фланг внешних рубежей Китая и отстоять прилежавшие к нему территории от нападений других более агрессивных кочевников [1, с. 358]. Если урянхайцы и выступали в подобной роли, то их участие в обеспечении безопасности китайских границ было недолгим, поскольку уже в 1436 г. они примкнули к ойратам, оказавшимся в то время основным внешним противником империи Мин [3, с. 50]. Следовательно, статус «союзников правящего дома» не связывал получивших его монголов никакими существенными долговременными обязательствами по отношению к минскому императору и не превращал кочевников в ревностных защитников рубежей китайского государства.

С учетом изложенного, эпизоды с формальным включением некоторых монгольских племен в состав минских территориальных охранных войск вряд ли хотя бы как-то существенно изменили подход к отношениям с «северными инородцами», присущий мировоззрению китайских властей в рассматриваемое нами время. Напротив, эти эпизоды скорее всего связаны со стремлением императоров, стоявших у истоков минской государственности, к тому, чтобы, применяясь к современным им реалиям, внести определенное разнообразие в арсенал средств и методов практического воплощения догм традиционной политической доктрины об универсальном «правителе Поднебесной» и о «варварах» как объекте его мироустроительных воздействий. Как заметил Г. Серройс, правители империи Мин на протяжении первого столетия ее истории старались привлечь на свою сторону как можно больше монголов, причем эта политика была достаточно успешной, и ее творцы отличались широтой кругозора [23, р. 240]. Что касается политических успехов, о которых говорил упомянутый американский исследователь, то к их числу, с точки зрения государственных интересов империи Мин, безусловно, следует отнести тот факт, что приближением к трону одних «варваров» и отдалением других имперские власти способствовали обострению вражды и разобщенности среди монголов. Идея о создании «инородческих охранных подразделений», так или иначе, несла в себе зерна провокации внутримонгольского конфликта, поскольку открывала свободный доступ к китайской границе лишь некоторым избранным племенам. Тем самым последние обретали целый ряд чрезвычайно существенных для них возможностей и привилегий. Их лидеры получали имперские аристократические титулы и чиновные ранги, порой дополнявшиеся казенным жалованьем за пограничную службу, наделялись правом приезда к императорскому двору с данью, за которую, как правило, получали роскошные ответные дары, многократно превосходящие по качеству и количеству стоимость приношений. Помимо того перед «близкими» племенами открывались перспективы налаживания с Китаем меновой торговли, традиционно являвшейся для кочевников источником необходимых им товаров. Например, специально для «приближенных к правящему дому» урянхайцев в 1402 г. в *Кайюане* (开原)²⁸ и *Гуаннине* (广宁)²⁹ были открыты конные рынки, на которых они могли торговать по особым льготным правилам [13, с.454]. Прочим монголам, обделенным такими возможностями, оставалось только оспаривать их у конкурентов, «предавшихся власти» империи Мин.

Следует заметить, что стратегия «разделяй и властвуй», в общем, должна быть отнесена к основополагающим принципам минской политики в отношениях с монголами, и варианты практической реализации этой стратегии, избираемые в разное время имперскими властями, отнюдь не ограничивались попытками привлечь «инородческие» племена к охране китайских границ. Помимо этих попыток целям углубления раскола и обострения розни среди «северных варваров» служили методы регулирования посольских связей и приграничной торговли.

Список литературы

1. *Барфилд Т.Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. - 1757 г. н.э.) / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова, науч. ред. и предис. Д.В. Рухлядева. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 488 с., илл. (Серия «Nomadica»).
2. История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский / Т. V: Династии Юань и Мин (1279-1644) / отв. ред. А.Ш. Кадырбаев, А.А. Бокшанин; Институт востоковедения РАН. – М.: Наука, 2016. 687 с.: илл.
3. *Покотилев Д.В.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368-1634 (по китайским источникам). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. 230 с.

²⁷ Тайнин – округ на северо-восточной границе империи Мин. Его территория располагалась на стыке современных провинций Хэбэй (河北), Ляонин (辽宁) и Автономного района Внутренняя Монголия (内蒙古) КНР.

²⁸ Ныне г. Кайюань в пров. Ляонин КНР.

²⁹ Укрепленный пункт на северо-восточной границе империи Мин. Локализация - северная часть современной пров. Ляонин.

4. *Бокцанин А.А.* Китайские императоры периода Мин (1368-1644) / Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция / Институт востоковедения РАН. М.: Восточная литература, 229. С. 101 - 109.
5. *Уваров П.Ю., Рябинин А.Л.* Китай в средневековом мире. Взгляд из всемирной истории. СПб.: Наука, 2017. 286 с.
6. 明史。清 张廷玉等撰。北京:中华书局, 1974 (列传。卷一百七十,一百九十八, 三百二十七)。[Мин ши (История династии Мин.). Сост. Чжан Тинъюй и др. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1974 (раздел «Лечжуань» (Биографические описания), цз. 170, 198, 327].
7. *Мартынов А.С.* Статус Тибета в XVII-XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 282 с.
8. *Железняков А.С.* Монгольская цивилизация. История и современность. Теоретическое обоснование атласа / Институт востоковедения РАН, Институт социологии РАН. М.: Весь мир, 2016. 288 с.
9. *Bat-Ochir Bold.* Mongolian Nomadic Society: a reconstruction of the 'medieval' history of Mongolia. Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001. 204 p.
10. *Elverskog J.* The 'Jewel Translucent Sutra'. Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century. Leiden Boston: Brill, 2003. 388 p.
11. *Rossabi M.* The Legacy of the Mongols / From Yuan to Modern China and Mongolia: The Writings of Morris Rossabi. Leiden – Boston: Brill, 2014. P. 423-442.
12. *The Cambridge History of China / gen. ed. D. Twitchett, J.K. Fairbank. Vol. 8. The Ming Dynasty, 1368 – 1644. Part 2. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 2008. XXVI+1083 p.*
13. *蒙古族通史 / 责任编辑: 马淑贞, 杨青, 江维俭 / 内蒙古社科院历史所. - 北京: 民族出版社, 1991. – 1021 页. [История монголов с древности до начала XX в. / Гл. ред.: Ма Шучжэнь, Ян Цин, Цзян Вэйцзянь / Институт истории Академии общественных наук Автономного района Внутренняя Монголия. Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 1991. 1021 с.]*
14. *Границы Китая: история формирования / Под общ. Ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 470 с.*
15. *中国 历史地图集 第七册: 元明事期 / 谭其骧主编. -北京: 中国地图出版社, 1996. 6 重印 [История Китая. Географический атлас. Т. 7. Период правления династий Юань и Мин / Ред. Тан Цисян. Пекин: Чжунго диту чубаньшэ, 1996. Изд. 6-е].*
16. *История Китая: Учебник / Под ред. А.В. Меликсетова. М.: Издательство МГУ, 1998. 736 с.*
17. *Бокцанан А.А., Непомнин О.Е.* Лики Срединного царства. Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая / Ин-т востоковедения РАН. М.: Восточная литература, 2002. 430 с. : ил., карты.
18. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. 4-е издание, дополненное. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 512 с. (Серия «Nomadica»).
19. *Крадин Н.Н.* Структура власти в кочевых империях / Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, 2002 (Серия «Цивилизационное измерение». Т. 5). С. 109-126.
20. *Маялвин В.* Империя ученых. М.: Европа; КДУ, 2017. 384 с. (Серия «Империи»).
21. *萧大亨. 北虏风俗 /国学文库. 第二十九册. 北京: 1939. 八十页 [Сяо Дахэн. Обычаи и привычки северных инородцев / Госюэ вэньку. Т. 29. Пекин: 1939. 80 л.]*
22. *Свистунова Н.П.* Организация пограничной службы на Севере Китая в эпоху Мин / Китай и соседи в древности и средневековье / АН СССР, Ин-т востоковедения; [отв. ред. С.Л. Тихвинский]. М.: Наука, 1970. С. 177–232.
23. *Serruys H.* A Mongol Settlement in North China at the End of the 16th Century / Central Asiatic Journal. Vol. 4. № 4 (1959). P. 237-278.